

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Николай
Павлов-Сильванский

ГОСУДАРЕВЫ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА**

Русская история (Вече)

Николай Павлов-Сильванский

**Государевы служилые
люди. Происхождение
русского дворянства**

«ВЕЧЕ»

1898

Павлов-Сильванский Н. П.

Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства /
Н. П. Павлов-Сильванский — «ВЕЧЕ», 1898 — (Русская история
(Вече))

ISBN 978-5-4484-8634-0

Становление и развитие сословного и классового общества на Руси со времен складывания государства и вплоть до эпохи расцвета империи – предмет многолетнего обсуждения историков и одна из опорных точек понимания истории нашей страны. Профессор Н. П. Павлов-Сильванский (1869–1908) стал одним из первых ученых, кто заставил видеть в этом процессе не нечто исключительное, но проявление общеисторических закономерностей. Увлекательная, основанная на большом документальном материале книга не бесспорна, но, несомненно, очень полезна и ценна для всех, кто интересуется историей России.

ISBN 978-5-4484-8634-0

© Павлов-Сильванский Н. П., 1898

© ВЕЧЕ, 1898

Содержание

Часть первая	5
Глава I. Княжеские дружины и земское боярство	5
Глава II. Бояре и слуги времени уделов	13
Часть вторая	24
Глава I. Закрепощение вольных слуг	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Николай Павлов-Сильванский

Государевы служилые люди.

Происхождение русского дворянства

Часть первая

Боярство киевского и удельного времени

Глава I. Княжеские дружины и земское боярство

Служилый класс населения Московской России сложился по существу организации и состава в царствование Иоанна Васильевича Грозного, когда удельная Русь преобразовалась в Московское государство. К числу важнейших дел этого замечательного царствования принадлежат меры по образованию однородного служилого класса дворян и детей боярских из потомков князей, вольных слуг и других разрядов лиц времени уделов.

Но прежде чем перейти к этой центральной эпохе древней истории русского дворянства, необходимо, чтобы уяснить ее значение, проследить судьбы высшего класса в начальные периоды русской исторической жизни.

1

В древнейшем киевском периоде нашей истории высший класс распадался на два разряда лиц, различных по своему положению и происхождению: дружинников, бояр княжеских и так называемых бояр земских.

Земское боярство образовалось в среде днепровских и ильменских славянских племен еще до пришествия варягов. Боярами в древнейшее время назывались все сильнейшие люди страны, богатые землевладельцы и рабовладельцы, и мужественные воители. Если производить слово боярин от прилагательного «болий» – больший, то значение этого слова «больший человек» будет вполне соответствовать тому смыслу, в каком оно употреблялось в древности¹. Это слово в древних памятниках иногда прямо заменяется выражением «лучшие люди» и «большие люди»².

Из среды боярства в свою очередь выделялись «лучшие люди», нарочитые мужи, становившиеся впереди других вследствие большого богатства, выдающихся личных качеств или особых заслуг. Из этой высшей знати первоначально города выбирали себе правителей. Древнейшие славянские князья правили землями вместе с лучшими мужами, старейшинами града.

¹ Карамзин производил слово боярин от слова бой (вой), в таком случае «боярин» значит воитель. Срезневский допускает производство слова боярин как от слова бой, так и от слова болий (больший). Татищев полагал, что слово боярин – болярин произошло от слова болей, в смысле думать.

² Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. I. С. 297; Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. С. 133. – Соловьев полагал, что историческая жизнь с разделением общества на классы началась для русских славян после младенческого прозябания в формах родового быта, только с пришествием варяжских князей с дружинами (История России. Кн. I. Т. I. С. 217. Т. XIII. Гл. I). Но указываемые проф. Ключевским деятельные торговые сношения днепровских славян с Византией и отдаленным арабским Востоком должны были рано повысить их культуру, разбить замкнутые родовые союзы, если последние не распались еще ранее при передвижении славян с Карпат на Днепр; классы бояр, горожан и сельчан должны были образоваться значительно раньше IX века (Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 20, 23). О земских боярах: Беляев И. Д. Жители Московского государства. Служилые люди. – ВМОИД. Кн. 3. С. 7 и след.; также Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. С. 40–43.

Позднее, при варяжских князьях, эти старейшины града, «старцы градские» (сенаторы), «нарочитые мужи» нередко призываются в совет князей в качестве представителей народа. В 987 году князь Владимир Святой созвал «боляры свои и старцы градские», чтобы обсудить с ними вопрос о верах, которые предлагали ему разные иноземные миссионеры. Когда люди, посланные им затем для испытания вер, возвратились из Царьграда, князь Владимир опять собрал бояр и «старцев», чтобы выслушать отчет послов о поездке. Тот же князь приглашал «нарочитых мужей», старейшин всех городов на свои пиры вместе с боярами, посадниками и сотскими. «Старцы» участвовали также в совещании 996 года, на котором решено было установить, вместо смертной казни, прежние денежные взыскания за разбой и убийства³.

От земского боярства в первый век правления варяжских князей резко отличались бояредружинники. Земские бояре были славянского происхождения; княжеская дружина была до XI века преимущественно варяжской. При заключении мирного договора с греками 912 года послами от Олега, великого князя русского, и от всех бывших под рукою его светлых и великих князей и бояр были одни варяги-русы: Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид.

В дружину варяжских князей, утвердившихся в Киеве, в первое время вступали преимущественно их соотчичи-норманны; прилив варягов на Русь продолжался до времени Ярослава Мудрого. В дружинах князей XI и XII веков встречались также и люди из южных кочевников, половцев, хазар и торков, а также из финнов, угров (мадьяр). Князья принимали в свою дружину всякого витязя, из какого бы народа он ни был. В дружине св. князя Бориса любимый его отрок Георгий был родом угрин (мадьяр); повар св. князя Глеба, зарезавший мученика, был родом торчин. При Изяславе I (1054–1078) довольно видную роль играл его дружинник из финнов Туки, с братом Чудином. Туки в 1072 году управлял Вышгородом, затем перешел в дружину брата Изяслава Ярославича, Всеволода, и был убит в одном из сражений с половцами (при Сожице). В дружине Владимира Мономаха был отрок Бяндук, у его современников, Святославичей Черниговских, был боярин Торчин, у Святополка – боярин Хозарин (Хозар). У князя Андрея Боголюбского был ключник Ясин, принявший деятельное участие в убиении своего князя.

Немногочисленные дружинники варварского и славянского происхождения не изменяли варяжского характера дружин первых князей. Варяги занимали первые места: Владимир Святой выбрал из наемных варягов мужей добрых, смелых и храбрых и роздал им города. Северные саги говорят о знатных витязях скандинавских, которые служили в дружинах наших князей. С течением времени в дружины начали поступать все в большем числе славяне, и с XI века преобладающим элементом их становится туземный, славянский⁴.

Бояредружинники первоначально отличались от бояр земских не только происхождением, но и положением в среде общества. Городские «нарочитые мужи» имели прочную оседлость, имели тесную связь с населением. Пришельцы варяги были подвижными воинами, витязями; не имея первоначально земельных владений, они жили военной добычей и содержанием, получаемым от князей, они были не земскими, но княжими мужами, были связаны только с

³ О градских старцах см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 27–28; Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. II. С. 343; Ключевский В. О. Боярская дума. С. 14, 15, 24. – Последний исследователь видит в градских старцах «городскую военно-торговую аристократию». Военные обстоятельства «сделали большие промышленные города политическими центрами областей». Из главных торговых домов (этих городов), подкрепленных вождями заморских варяжских компаний, составила военно-торговая аристократия, которая взяла в свои руки управление городом и областью. Эту торговую аристократию городов Начальная летопись... называет «нарочитыми мужами», а выходивших из нее десятских, сотских и других городских управителей – «старцами градскими и старейшинами по всем градам» (с. 27, 31–32). Это мнение было подвергнуто веской критике проф. М. Ф. Владимирским-Будановым (рецензия в Сборнике государственных знаний. Т. VIII).

⁴ Ключевский В. И. Боярская дума. С. 28, 42; Соловьев С. М. История России. Кн. I. С. 219, 314, 360; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 29.

князем товариществом военной дружины. Дружина составляла личную рать князя и называлась по его имени: Ярославля, Владимирова, Мстиславля дружина, тогда как земские бояре назывались по именам городов: ростовские, новгородские бояре.

Чем знаменитее и доблестнее был князь, тем храбрее и многочисленнее была его дружина; дружина князя Игоря отступала перед трудностями похода и возвращалась домой без боя; сподвижники Святослава были все похожи на него: «где ляжет твоя голова, там и все мы головы свои сложим», – говорили они ему, считая позором оставить поле битвы, потерявши своего вожда. Дружина делила с князем его счастье и беды; вместе с князем уходила из стольного города, когда он терял над ним свою власть вследствие возмущения народа или победы соперника. Князь, как старший товарищ, делился с дружиной всем, что имел. «Сребром и златом не имам налезти дружины, а дружиною налезу сребро и злато», – говорил князь Владимир, отличая тем дружину сильной нравственной связью с князем от наемных войск, и не жалел для нее ничего; когда дружина возроптала на то, что князь угощает ее с деревянных ложек – «повелел исковати серебряны лжицы ясти дружине». Его сын Мстислав также любил дружину – имения для нее не щадил. Позднейший летописец, порицая алчность современных ему дружинников, восхваляет бескорыстную доблесть дружин первых князей Рюриковичей: «Те князья не собирали много имения, не налагали на людей вир и продаж неправедных, но, если случится правая вира, ту брали и тотчас отдавали дружине на оружие. Дружина довольствовалась этим, воевала чужие страны и в битвах говорила: “Братья, потягнем по своему князе и по Русской земле”; бояре не говорили князю: “Мало мне ста гривен”, – не наряжали жен своих в золотые обручи; ходили жены их в серебре, и вот они возвеличили Русскую землю»⁵.

Кроме дружины, постоянного отряда приближенных к князю людей, для которых война была привычным занятием, войско князей составлялось также из жителей городов и сел, набравшихся по случаю похода. Эти полки, земское ополчение, явственно отличались от воедружинников, воинов по преимуществу. Дружина была наиболее надежной в войнах: во время похода Владимира Ярославича на греков в 1037 году ополчение, в числе 6 тыс. человек, плывшее по морю, было выкинуто во время бури на берег и хотело возвратиться на Русь, но не пошел с ним никто из дружины, за исключением воеводы этих полков, тысяцкого Яна, сына Вышаты. В случае недостатка земских полков князья пользовались наемными отрядами варягов и южных кочевников, торков и печенегов. Князья дорожили верной дружиной и берегли ее во время войн; готовясь к битве, они ставили впереди, в челе, варягов-наемников или земские полки, а дружину по крылам, сохраняя ее для решительного нападения или на случай крайности. Так сделал Мстислав Тмутараканский в решительной битве с Ярославом Мудрым, поставив впереди ополчения северян, и после битвы, видя тела павших северян, говорил: «Как не радоваться, вот лежит северянин, вот варяг, а дружина моя цела».

2

Дружина жила одной жизнью с князем не только в военное время. С ней он советовался и в мирное время о всех делах управления. «Бе Володимер, – говорит летописец, – любя дружину, и с нею думал о строе и уставе земском (землянем) и о ратях». Когда дело шло о войне, князь совещался со всей дружиной; задумав войну с половцами, Владимир Мономах в 1111 году должен был долго убеждать дружины, свою и своего союзника Святополка-Михаила, не сочувствовавших этой войне, в необходимости начать военные действия. Но относительно внутреннего управления князья совещались только с избранными советниками, со старейшей или большей дружиной. Эти старшие дружинники, «передние, лепшие мужи» носили наименование *мужей* или *бояр*, последнее выражение мало-помалу вытеснило первое. На кня-

⁵ Соловьев С. М. История России. Кн. I. С. 219–220, 223–225; Лаврентьевская летопись, годы 996 и 1093. С. 123, 211.

жеского боярина впоследствии стали смотреть по преимуществу как на княжеского советника-думца; князь Игорь Святославич Северский, герой «Слова о полку Игореве», противопоставляет бояр думающих другим дружинникам, мужам-воинам: «Где, – воскликнул он после несчастной битвы с половцами 1185 г., – бояре думающие, где мужи храборствующие, где ряд полчный, где кони и оружие многоценное»⁶.

Младшая дружина называлась в древнейшее время *гридь*, *гридьба*⁷; наименование *гридь* заменялось другими: *отроки*, *детские*⁸. Эта дружина составляла главную, постоянную военную силу князя; численность ее должна была сильно изменяться в зависимости от обстоятельств. Киевский князь Святополк имел в 1053 году 700 человек отроков; старшие дружинники сочли этот отряд недостаточным для войны с половцами. Ряды бояр и отроков сильно редели во время постоянных войн князей. Почти вся дружина киевского князя Святослава пала во время его болгарских походов; из нее очень немногие возвратились в Киев с воеводой Свенельдом.

Старшие дружинники, будучи думцами князя, занимали высшие места в дворцовом и областном управлении; служили княжескими тиунами, конюшими, подъездными и посадниками-наместниками в главных городах, они же назначались на важные должности тысяцких – воевод земских полков. Эта видная должность передавалась иногда по наследству. Отец упомянутого выше Яна, тысяцкого князя Владимира, Вышата служил тысяцким при князе Ярославле Мудром⁹. Старшим дружинникам поручалось князьями предводительство отдельными

⁶ Лавр., год 996. С. 124; Ипат. С. 131. Сергеевич В. И. Русские... Т. II. С. 342, 344, 345; Соловьев С. М. История России. Кн. I. С. 221; Ключевский В. О. Боярская дума. С. 42, 56, 57. – Основываясь на приведенных в тексте словах князя Игоря Северского о боярах думающих и мужах храборствующих, Соловьев полагал, что слово «муж», наряду с обозначением дружинника вообще, без различия степеней, «имело и более тесное значение, означало дружинников второго разряда, низших, младших членов дружины, в противоположность боярам». Значение летописного термина огнищанин неясно. Одни исследователи (Соловьев, Владимирский-Буданов) полагают, что огнищанами назывались в древнейшее время старшие члены дружины; они производят это слово от «огнища» – очага, княжеского дома и сближают по значению с позднейшим термином дворянин (от княжеского двора, дома-огнища) и нашим – придворный. Проф. Платонов С. Ф. сближает огнищанина (тиуна огнищного, заведующего огнищем, т. е. челядью) с дворским позднейшего времени (Труды VIII Археологического съезда). Другие, принимая в соображение, что этот термин долее всего, до XIII века, держался на севере Новгородской области, где дольше сохранялось земское боярство, независимое от князя, видят в огнищанине боярина земского. Беляев усматривал в огнищанине древнего, богатого землевладельца (от слова огнище, в смысле пашня на месте сожженного леса). Проф. Ключевский производит это слово от огнища (в смысле «раб», «челядь»), откуда огнищанин – «рабовладыка». Проф. Сергеевич связывает происхождение этого наименования с языческими жертвоприношениями славян: огнище – очаг было с языческой древности также жертвенником семьи; отсюда огнищанин – домохозяин, приносящий жертвы, как *flaminus* (жрец) от *Flamma*. В этом объяснении Сергеевич следует до некоторой степени Мстиславскому, по мнению которого огнищане (от огнище – хранилище огня) были первоначально жрецами огня и вместе владыками племен (Ключевский В. О. Огнищанин и княж муж или следы быта древних славянских князей в Русской Правде. – ЧОИДР. 1860. Кн. 4).

⁷ Термин *гридь* вызвал много толкований. Одни производят его от скандинавского корня *grith* – господский, княжеский дом, откуда *гридь* – придворные слуги, царедворцы (Рейц, Владимирский-Буданов), другие производят это слово от другого, скандинавского же корня, *gred* – меч, и видят поэтому в *гридьбе* мечников, воинов (Карамзин, Сергеевич), третьи сближают слово *гридь* со славянским, хорутанским словом *грида* – громада, сборище, дружина (Соловьев, Срезневский).

⁸ Для обозначения младшей дружины летописец употребляет наименования: *гридь* или *гридьба*, *отроки*, *детские*, *пасынки*. Различие этих терминов не вполне выяснено. Соловьев полагал, что младшая дружина разделялась на два разряда: 1) *гридьбу*, 2) *пасынков*, *отроков* и *детских*. Последние составляли «собственную прислугу князя, жившую постоянно при нем, в его доме, дворце»; они «разделялись на старших и младших или меньших»; эта «служня», слуги княжеские, начинают на севере носить название двора, дворян... (Соловьев С. М. История России. Кн. I. Т. III. С. 684). Н. П. Загоскин различает в составе *гридьбы* – младшей дружины – три разряда лиц: 1) мечников, 2) *детских*, 3) *отроков*. «Детские носят исключительно военный характер, между тем как *отроки* ополчались лишь в случае надобности, главное назначение их – хозяйственно-дворцовая служба князю... Детским давали князья и различные административные должности – посылали их посадниками по городам... Лучшие *детские*, которых князь отличал от других, особенно приближая к особе своей, назывались мечниками или меченошами» (Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской России. С. 54–56). В. И. Сергеевич полагает, что все эти термины обозначали один и тот же разряд лиц – младших дружинников. «Гриди (от слова *gred* – меч) и мечники – это два разных наименования того же рода лиц, воинов, живших во дворе князя и на его содержании. Эти дворовые воины назывались по возрасту – *отроками*, по оружию – *гридями* и *мечниками*. В то время, как одни летописи говорят о *детских*, другие, в том же случае, упоминают *отроков*» (Русские... Т. I. С. 352–353). М. Ф. Владимирский-Буданов ограничивает замечанием: «древнее общее наименование (младшей дружины) *гридь* (*гридница* – дом, комната) заменилось другими: *отроки*, *детские*, *пасынки*» (Обзор... С. 29). Встречается также редкое наименование младшей дружины – *болярцы*...

⁹ Весьма вероятно, что должности тысяцких поручались нередко не княжеским, но более близким к земщине, т. н. земским

отрядами дружины или всем войском. У Игоря и Святослава был воеводой Свенельд, у Святослава были воеводами Свенкель и Икмор и сын Свенельда Лют; у Ярополка Святославича – Блуд, изменивший ему, и Варяжко; у Владимира Святого были воеводами Сигурд и Волчий Хвост, предводительствовавший передовым отрядом дружины в 984 году.

Значение старших дружинников поддерживалось тем, что они имели свои собственные дружины отроков, преданных им и подчиненных им, независимо от князя; боярские отроки составляли особые отряды, не сливавшиеся с отроками, непосредственно подчиненными князю. Дружина князя Игоря завидовала богатству дружины его боярина Свенельда. «Отроки Свенельжи, – говорила дружина Игоря, – изоделися суть оружием и порты, а мы нази; пойдем, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы» (945 г.). Владимир Мономах в 1095 году советовался с дружиной боярина Ратибора и по ее настоянию, вопреки первоначальному своему желанию, изменнически убил половца Итляря с его людьми. Боярские дружины были иногда весьма многочисленны; Симон Варяг прибыл на службу к киевскому князю с 3 тыс. дворян.

Младшие дружинники, отроки, занимали при княжеском дворе низшие должности ключников, конюхов; им же поручалось управление менее важными и богатыми волостями. Так, в 1176 году князя Ростиславичи, «сидевшие на княженьи в земле Ростовской, роздали по городам посадничество русским *детским*; они же многу тяготу людям сотвориша продажами и вирами». Старшие же дружинники, *бояре*, находились в это время около князей, которые были молоды и «слушали бояр». Военная и гражданская служба была для младшей дружины средством возвышения в старшую; отроки становились мужами, боярцы – боярами. Когда бояре волынского князя Владимира Мстиславича в 1170 году отказались идти в поход на его племянника, Великого князя Киевского Мстислава, заявив: «Ты это, князь, сам собой замыслил, так не едем с тобой, мы того не ведали», – то князь Владимир, взглянув на свою младшую дружину, *на детских*, отвечал: «Так, эти детские будут моими боярами». Может быть, князь и не исполнил своей угрозы, не возвел детских в бояре, но если он грозил этим, то, значит, считал пожалование боярского сана своим княжеским правом.

Дружинники не составляли замкнутого класса; доступ в дружину был открыт как втяжам-иностранцам, так и доблестным воинам русским. Когда русский богатырь, сын кожевника, победил печенежского богатыря, то князь Владимир Святой «великим мужем сотвори» его, и отца его (992 г.). Лица других классов, поступая сначала в низший разряд дружинников, достигали затем, за свои заслуги, звания «княжа мужа» или боярина. В среде боярства, даже в Галиции, где боярство отличалось наиболее аристократическим характером, были люди низкого происхождения. Здесь в XIII столетии одним из главных противников князя Даниила был боярин Доброслав Судыч, «попов внук», и два других боярина, Доможирич и Молибожич, были «смердяго рода».

Высший класс дружинников не был замкнутым, но он пользовался некоторыми привилегиями. Личность боярина – «княжа мужа» строже охранялась законом: за убийство взыскивалась двойная вира, за поранение его (за муку) установлена была двойная «продажа». Боярам принадлежала также привилегия передавать имущество по наследству дочерям при неимении наследников мужского пола; имущество смерда (крестьянина), не имевшего сыновей, не переходило по закону к его дочерям, но отбиралось в пользу князя¹⁰. Землевладение, право владения селами не составляло привилегии бояр, хотя в Русской Правде и летописи говорится большей частью только о боярских и княжеских селлах; но из других указаний памятников видно, что земли владеют также и горожане и сельчане (смерды)¹¹.

боярам.

¹⁰ «Оже смерд умрет без дети, то (наследство) князю, а иже в боярех или в боярстей дружине, то за князя (наследство) не идет» (Русская Правда).

¹¹ Соловьев С. М. История России. Кн. I. С. 225, 226; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 29, 31, 33; Ключевский

3

Полное господство дружинного склада высшего класса относится к киевскому периоду нашей истории, от времен Игоря, Святослава и Владимира Святого, через век Ярослава Мудрого (1054) и его сыновей, до времен Владимира Мономаха (1125) и его сына Мстислава Великого. Подвижные вольные дружины бояр и отроков-воинов, не связанных с землей, но сильных нравственной связью с князем и своими соратниками, вполне соответствовали характеру киевских князей-воителей, не имевших прочных связей с тем или другим уделом и часто покидавших один княжеский стол для другого, в пределах одной общей их родовой отчины, Русской земли.

В XII веке складывается новый порядок. Среди князей, забывающих об общей родовой связи, развивается стремление прочно освоить себе, своим детям и внукам свой удел, разделить Русскую землю на отдельные отчины. Типичным представителем князя новой эпохи является сильнейший князь середины XII века Андрей Боголюбский; он смотрит на Ростово-Суздальскую Русь как на свою отдельную собственность и не соглашается менять ее на другой удел; когда его отец Юрий Долгорукий утвердился в Киеве и хотел, чтобы Андрей поместился возле него в Вышгороде, с целью затем занять Киев, Андрей против воли отца ушел на свой излюбленный север; он не променял своей земли на Киев, цель честолюбивых домогательств всех прежних князей, даже тогда, когда его войска взяли этот город, и отдал Киев своему брату Глебу. Еще раньше, в 1139 году, соименник Андрея Боголюбского, дядя его Андрей, сын Владимира Мономаха, определенно выразил этот новый взгляд князей. Когда ему предлагали перейти из Переяславля (южного) в Курск, он сказал, «сдумав с дружиною: леплее ми того смерть на своей отчине и на дедне, нежели Курское княжение; отец мой в Курске не сидел, но в Переяславле, и хочу на своей отчине смерть прияти».

Князья изменяют свое отношение к земле, осваивают в отчину отдельные уделы; соответственно с этим изменяется и характер их дружин. Подвижные дружинники, переходившие с князем из удела в удел, приобретают оседлость вместе с князьями, вступая в более тесную связь с той или другой волостью. Многие из них и прежде владели землями, но прежде мало ими дорожили, предпочитая доходам от сельского хозяйства военную добычу и не имея возможности заводить прочные хозяйства в той или другой местности не только вследствие постоянных войн, но и вследствие частых переходов князей, за которыми они следовали всюду. Теперь они более ценят свои боярские села, свои земельные владения; дружинник-воин остается воином, но он становится в то же время землевладельцем. Землевладение дает связь с местным населением; дружинник роднится с той или другой волостью – уделом.

С оседлостью княжеских бояр-дружинников исчезает прежняя дружина – тесное товарищество. Прежде никакие иные связи не ослабляли уз товарищества дружинников; теперь оседлость обособляет отдельных членов дружины, они приобретают особые интересы, особые связи.

Дружинники-землевладельцы не могут уже жить в прежнем тесном товарищеском кругу лиц, не имеющих других интересов, кроме интересов товарищества. Князь теперь имеет дело уже не с дружиной как с одним целым, но с отдельными слугами – боярами. Памятники этого нового периода говорят не о дружинах князей, но об их боярах и слугах¹².

В. О. Боярская дума. С. 55–58; Яблочков М. История дворянского сословия в России. С. 22.

¹² Соловьев С. М. История России. Кн. I. Т. III. С. 682; Ключевский В. О. Боярская дума. С. 68; Лавр., год 6647. С. 291–292. – Неволин говорит: «...пока князья не оселись, не утвердились окончательно в известных областях, непрерывно переменили одни княжества на другие, для служилых людей не могло образоваться твердого поземельного владения, так как они по принадлежавшему им праву непрерывно переходили на службу от одного князя к другому и разделяли переменчивую судьбу своих князей» (История российского гражданского законодательства. Т. II. § 367. С. 128). То же, вслед за Невוליным,

Приобретая оседлость, дружинники сближаются с земскими боярами; княжеские бояре в свою очередь становятся боярами *земскими*, делаясь близкими земщине. По мере того как первоначальная варяжская дружина становится все более славянской, исчезает черта национального различия между земской и княжеской знатю. Наконец перестает разделять их и служба князю; многие земские бояре поступают в число дружинников и становятся княжескими слугами, не теряя своего земского значения, в то время как княжеские бояре постепенно приобретают это значение благодаря земельной оседлости. Заметно различавшиеся первоначально оба слоя знати, таким образом, сливаются в один класс боярства.

Большую оседлость дружины в XII веке можно заметить по указаниям летописи на боярские села, как они ни отрывочны и случайны. Мстислав Новгородский, замечает Лаврентьевская летопись, «распусти дружину по селам». Когда князь Изяслав Давидович, изгнанный из Киева Юрием Долгоруким, шел в 1150 году походом на этого своего соперника, чтобы вернуть себе Киев, свою отчину, он так говорил своей дружине: «Вы из Русской (Киевской) земли ушли за мною, потеряв свои *села* и жизни (движимость); либо голову сложу, либо добуду свою отчину и всю вашу жизнь». Дружинники Изяслава были заинтересованы в возвращении в Киевскую землю, потому что имели там свои села; наследственные притязания князей на известные области поддерживались землевладельческими интересами их дружины. Бояре княжеские, владевшие селами, превращались в бояр области: бояре киевского князя называются летописью в 1136 году «киевскими боярами». С конца XII века Ипатьевская летопись упоминает о боярах «владимирских» на Волыни и «галицких». «Слово о полку Игореве» восхваляет могучих «черниговских былей» (бояр), которые «без щитов, с засапожники (засапожными ножами) кликом полки побеждают, звонячи в прадедную славу», и называет пять фамилий этих бояр: Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревугы, Ольберы.

Галицкое княжество обособилось раньше других областей, выделившись из круга тех волостей, которые переходили от князя к князю в порядке родового старшинства. Здесь и дружина раньше и прочнее всего обосновалась в стране. Боярство, сильное своей связью с землей, сложилось здесь в многочисленный и могущественный класс, который успешно соперничал с князем и не раз решительно торжествовал над ним. Здесь постоянно действуют, по летописи, не бояре-дружинники князей, Романа и Даниила, но бояре волости, «галицкие бояре», часто враждебные князю. «Бояре галицкие, – замечает летописец под 1240 годом, – Данила князем себе называху, а сами всю землю держаху». Приближенные лица князя Мстислава Удалого советовали ему отказаться от галицкого княжения, между прочим, потому, что «его не хотят бояре». При князе Ярославле Осмомысле галицкие бояре в 1173 году сожгли его возлюбленную Настаську, избили княжеских приверженцев и принудили самого князя жить в любви с княгиней. По смерти Ярослава они изгнали старшего его сына Олега и призвали из Перемышля другого его сына, Владимира, но затем в 1188 году восстали и против Владимира, за то, что он отнял жену священника, заявив князю: «Не хотим кланяться попадье, а хотим ю убить». Впоследствии, пользуясь отсутствием князей по случаю татарского нашествия, галицкие бояре даже сделали попытку управлять землей независимо от князя; боярин Доброслав взял себе области Бакину и Понизье, а Григорий Васильевич – горную сторону Перемышльскую; но оба они вслед за тем были лишены власти¹³.

В XII веке боярство имело самостоятельное значение также в Ростово-Суздальской земле. В 1176 году после смерти Андрея Боголюбского ростовские бояре начали энергичную борьбу против его братьев, Михаила и Всеволода Юрьевичей. Когда Михаил княжил во Вла-

утверждают Соловьев и Градовский: «...с большей оседлостью князей развивалась и частная поземельная собственность дружины» (История местного управления. С. И).

¹³ Ключевский В. О. Боярская дума. С. 68, 72; Линниченко И. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV, XV вв. С. 58, 60. – Ученые записки Московского университета. Вып. 20; III. Дворянство в России. – ВЕ. 1887, апр. С. 555, 557.

димире-на-Клязьме, «Ростовская земля пошла на него со всею силою и много зла сотвориша, стояша около города семь недель» и достигла того, что Юрьевич уехал с владимирского стола, а в Ростовской волости, хотя и не надолго, утвердились южные князья Ростиславичи, Мстислав и Ярополк. Всеволод впоследствии говорил этим Ростиславичам, что их «ростовцы привели и бояре». Это самостоятельное ростовское боярство в значительной части состояло, надо полагать, из потомков древних земских бояр, так как Ростов Великий был одним из старейших городов. Но в его состав вошли и основавшиеся здесь дружинники. Во Владимире-на-Клязьме, более новом городе, основанном князьями, местное боярство должно было сложиться преимущественно из бояр-дружинников. Но это новое, возникшее из дружинного, боярство города Владимира действует, подобно ростовскому, независимо от князя. Дружины в прежнее время составляли одно целое с князем, заодно с ним противопоставляли себя горожанам, вместе с ним покидали город, когда жители восставали против князя. Владимирские бояре-дружинники заодно с горожанами действуют против князя. Когда великий князь Всеволод III держал в плену в 1177 году князя Глеба с его дружиной и суздальцами и ростовцами, то «на третий день бысть мятеж велик в граде Володимере: всташа *бояре и купцы*», требуя от князя казни пленных врагов города: «а се вороги наши, суздальцы и ростовцы, любо и казни, любо елечи, или дай нам». Бояре были вооружены против князя Глеба за то, что, как замечено ранее в летописи, он сжег боярские села. Чтобы утишить мятеж, князь велел схватить мятежников и посадить в поруб. Но через несколько дней «всташа *людье еси и бояре* и придоша во князь двор многое множество со оружием», требуя ослепления пленных союзников князя Глеба.

Бояре-дружинники сливаются с боярами земскими. Летопись уже не различает тех и других. Новые киевские и владимирские дружинники являются такими же боярами, как и бояре Великого Новгорода, эти несомненные потомки древней, туземной земской знати. С другой стороны, и древние земские бояре утрачивают независимость, обособленное положение; они поступают на службу к князю и сближаются с дружинниками. Новгородское боярство сохранило дольше боярства других областей самостоятельное значение, но и из новгородских бояр многие служили князьям¹⁴.

¹⁴ Лавр., год 1177. С. 361, 365, 366. О новгородских боярах, служащих тверскому князю, говорят договоры Новгорода с князьями: СГГД. Т. I. № 28 и др.; о слиянии дружины с земщиной (и земскими боярами) см.: Беляев И. Д. Жители Московского государства. Дружина и земщина. – ВМОИД. Т. I. 1849. С. 9 и след.

Глава II. Бояре и слуги времени уделов

1

Северо-Восточная Русь, древняя Ростово-Суздальская волость, куда после нашествия татар перешел центр русской исторической жизни, в XIII и XIV столетиях разбилась на обособленные уделы. Княжеские линии рода Всеволода III Большое Гнездо все более обособлялись; князья забывали об общем происхождении, размещаясь по своим уделам-опричинам. Особые уделы образовались не только из более крупных городских центров, как Суздаль, Тверь и Кострома, но и из маленьких городков, как например, Переяславль, Городец и Москва 1263 года, которые поделены были между сыновьями великого князя Александра Невского Дмитрием, Андреем и Даниилом. Разделение волости на уделы на этом не останавливалось. Готовую почву для него создавали особенности постепенной колонизации страны.

Процесс первоначального заселения области между Окой и Волгой в XII, XIII столетиях шел тем же путем, каким несколько позднее на глазах истории заселялся северный заволжский край. «Заволжский север и северо-восток и теперь не везде доступен поселению, – говорит проф. Ключевский. – В то же время, пятьсот, шестьсот лет назад, поселенец с большим трудом отыскивал среди глухих лесных дебрей и топей место, где бы можно было поставить поселок. Население естественно осаживалось прежде всего по берегам рек и окраинам вековых непроходимых лесов. Небольшие бассейны рек того края, Суд, Кеми, Андоги, Ухтомы, Сити, Мологи, Кубены, Бохтюги представляли в XIV и XV веках недавно заселенные или только что еще заселявшиеся острова, открытые и сухие прогалины среди моря лесов и болот. Когда для счастливо размножавшихся князей белозерских и заозерских понадобились отдельные участки в их отчинах, эти речные округа и области служили готовым основанием для удельных делений и подразделений. Так возникали в XIV и XV веках все эти мелкие княжества: Кемское, Андожское, Ухтомское, Ситское, Кубенское и многие другие, называвшиеся по именам речек, маленькими бассейнами которых, даже не всегда целыми бассейнами, ограничивались их территории»¹⁵.

Разделение области еще более увеличивалось вследствие слабой зависимости бояр-землевладельцев от удельных князей. Боярские вотчины были нередко такими же обособленными и независимыми владениями, как и мелкие уделы князей андожских или вадбольских. Богатый боярин-вотчинник почти не отличался по существу владельческих прав от мелкого владетельного князя, удел которого состоял из двух-трех сел и нескольких десятков деревень (в два-три двора) на какой-либо маленькой речке Кубене, с резиденцией в виде большой барской усадьбы – княжеского двора при погосте.

Не только бояре, но и менее значительные лица пользовались, как землевладельцы, чрезвычайно обширными привилегиями, совершенно или большей частью освобождавшими их вотчины от подведомственности князю и его властям.

Эти привилегии состояли в праве вотчинного суда и управления и в праве сбора налогов и с древнейшего времени обеспечивались землевладельцам особыми жалованными грамотами князей. Таким образом, «поземельный владелец, – как замечает Неволин, – получал многие права державной власти и становился в своей вотчине как бы князем. Чем были князья вообще по отношению к своим вотчинным владениям, тем делался на основании жалованной грамоты частный вотчинник по отношению к своей вотчине; он получал правительственную власть над

¹⁵ Ключевский В. О. Боярская дума. С. 87, 88, 89.

лицами, жившими на его земле, – делался посредником между ними и князем»¹⁶. О существовании этой правительственной власти вотчинника, о древнейших привилегиях землевладельцев мы узнаем из жалованных грамот, утверждавших древний порядок вотчинных отношений. Вотчинник во всем «ведает свои люди сам или кому прикажет»; он является единственным их судьей и правителем, по своему усмотрению собирает налоги, как самовластный господин в пределах своей земли. Землевладелец нередко был судьей своих людей по всем делам гражданским и уголовным; княжеские власти не могли ни в чем распорядиться в его вотчине. Впоследствии же обыкновенно из судебных дел, подведомственных вотчиннику, исключались дела о «душегубстве, разбое и татьбе с поличным». «А волостели мои и их тиуны, – постановил Иоанн Калита в жалованной грамоте, данной Ивану Петелину, – доводчиков своих не высылают к Ивану и ко всем его людям ни по что, ни кормов не емлют, ни судят их ни в чем, опричь душегубства и татьбы с поличным: а праветчики поборов не берут у них, ни *въезжают ни по что*. А ведает свои люди сам Иван или кому прикажет». Князь отказывался в пользу вотчинника от всех налогов и пошлин, которые собирались в княжескую казну с собственных его земель: «Что его (вотчинника) село в Кинеле, с деревнями, и кто у него в том селе и в деревнях имет жити людей, ино им ненадобе ям, ни подвода, ни тамга, ни мыт, ни сен моих косити, ни коня моего кормити, ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни в какия протори ни в разметы, ни *иные ни которыя пошлины* не надобе». В случае столкновений лиц, подвластных разным вотчинникам, дела разбирались на *смесных судах*, общим судом двух вотчинников. Если возникала тяжба между боярскими людьми и людьми князя, то в смешанном суде участвовали княжеские волостели: «а случится суд смесной, и волостели мои судят и их тиуны, а Иван с ними же судит, или кому прикажет: а присудом ея делят наполю». Сам же боярин-вотчинник и его чиновники не были подсудны княжеским волостелям; они подлежали суду самого князя или его высшего сановника: «а кому будет чего искать на Иване, или на его приказчике, ино их сужу яз сам, князь великий, или мой боярин введеный».

Крупным землевладельцам, имевшим права вотчинного суда и управления, подчинены были не только крестьяне-земледельцы, «сидевшие» на их землях, но и самостоятельные вотчинники. Боярин, слуга князя, имел, в свою очередь, слуг, вотчинников, стоявших к нему в таких же служебных отношениях, какие сам он имел к своему князю. В киевском периоде у бояр-дружинников были особые, лично им подчиненные, дружины. Вместе с князьями и их дружинами приобрели оседлость и эти боярские дружины; но, владея землей, они продолжали служить не князьям, но своим боярам. Эти боярские служилые люди сохранились в виде пережитка старины даже до XVI века. В писцовой книге Тверского уезда половины этого века

¹⁶ Неволин К. История... Т. II. § 272. Древнейшая жалованная грамота, данная Ивану Петелину Иоанном Калитой, дошла до нас в подтвердительной грамоте 27 сентября 1450 г., данной великим князем Василием Васильевичем (ААЭ. Т. I. № 46). От XV века дошло десять таких жалованных грамот, от XVI – семь, от XVII – одна (см.: Сергеевич В. И. Русские... Т. I. С. 329, 330). Неволин справедливо полагает, что «в древнейшие времена права вотчинников были не теснее, а напротив еще обширнее, чем они были во времена позднейшие. Власть княжеская постепенно распространялась, а не уменьшалась. При слабой власти общественной вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином». Порядок вещей, устанавливавшийся жалованными грамотами, «в древнейшие времена существовал сам собой и по общему правилу». Градовский сделал несколько возражений против этого мнения Неволина: он полагал, что значение жалованных грамот можно объяснить гораздо полнее, с одной стороны, кормовым их происхождением (т. е. предоставлением судебных и других пошлин вотчиннику для его материального обеспечения), с другой стороны, стремлением князей, постоянно развивавшимся, ограничить власть наместника. На основании таких предположений Градовский полагает, что «жалованные грамоты составляют исключение из общего правила» (История местного управления. С. 24, 26). Эти соображения Градовского оказались убедительными Блюменфельду (О формах землевладения в древней Руси. С. 183). Не входя в подробное обсуждение этого вопроса, укажем здесь, в подтверждение мнения Неволина, на замечательную правую грамоту князя Михаила Андреевича Вереяского (1435–1447 гг.), из которой видно, что вотчинники имели права суда и дани в пределах своих владений, независимо от княжеских пожалований: истец, кистемский боярин Лев Иванович, заявляет князю: «та деревня (в нашей отчине Кистеме) из старины тянет судом к нам; еще отец наш Иван судил ту деревню и дань на ней имал» (Федотов-Чеховский. Акты Гражданской Расправы. Т. I. № 4. Ср.: Мейчик Д. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. С. 18).

упоминаются наряду с помещиками, служащими великому князю, землевладельцы, служащие боярам.

Князь Федор Михайлович Мстиславский в начале XVI века имел своих детей боярских и награждал их поместьями в пределах своей Юхотской вотчины. Создавшийся таким образом иерархический ряд слуг землевладельцев проф. Чичерин сравнивает с феодальной лестницей вассалов. Сильному землевладельцу, боярину, служили менее значительные помещики и вотчинники; боярин, в свою очередь, служил удельному князю, который, со своей стороны, в качестве служебного (служилого) подручного князя, зависел от Великого князя Московского или Тверского. Во взаимных отношениях всего этого ряда слуг действовало общее правило: подчинение лица не влекло за собой непосредственного подчинения лиц, от него зависевших. Лица, жившие в вотчине боярина, зависели от вотчинника, но не от того князя, которому он служил¹⁷. Бояре, служившие подручному удельному князю, выступая в поход с войсками великого князя, шли особым полком под стягом удельного князя. «Кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем и ходити, с своим воеводой»¹⁸.

2

Служебные отношения бояр к князьям состояли в том, что они в военное время с отрядами ратников, набранных из числа лиц, живших в их вотчинах, вступали в ряды княжеских войск. Под словом «служба» подразумевалась преимущественно служба военная. Многие из

¹⁷ Ср.: Чичерин Б. Н. Опыты... С. 83, 84, 243: «Частное владение иногда вовсе освобождалось от всякого влияния княжеской власти и, таким образом, состояло на правах отдельного княжества». «Понятия о постоянной принадлежности к обществу, как к единому целому, о государственном подданстве вовсе не было: вместо государя и подданных мы видим только лица, вступающие между собой в свободные обязательства». «Таким образом, устанавливалась такая же иерархическая лестница землевладельцев, как в феодальном мире на Западе. Сверху был князь, верховный землевладелец, затем боярин, имевший право суда и дани, затем монастырь, распоряжавшийся землей, как собственностью, затем сын боярский, владевший ею временно, под условием службы, наконец, крестьянин. На одной и той же земле лежало право целой иерархии лиц и все держали ее один под другим». Чичерин не знает о боярских служилых людях и боярских дворах. О них см.: Сергеевич В. И. Русские... Т. I. С. 303. Данные из Тверской писцовой книги: Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке. С. 230; Лихачева Н. П. Сборник актов. С. 206 (дети боярские князя Ф. М. Мстиславского). О сходстве некоторых других порядков удельной Руси с соответствующими учреждениями феодального Запада см.: Павлов-Сильванский Н. П. Закладничество-патронат. – ЗИРАО. Т. IX. Вып. 1, 2.

¹⁸ Это правило было недействительным только в случае осады города во время войны. А именно: в случае «городной осады» бояре подручного князя должны были защищать город от неприятелей также и под начальством воеводы великого князя, которому они непосредственно не были подчинены: «А городная осада, где кто живет, тому тут и сести, топорч путных бояр»: «А кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем ходити (ходят с тобой, великим князем и с вашими воеводами), а городная осада, где кто живет, тому тут и сидити, опричь путных бояр» (СГГД. Т. 1. № 43, 1428 и № 45, 1433). Эта статья вызвала неправильное толкование. Градовский в объяснение ее говорит, что «землевладельцы несли некоторые служебные обязанности по отношению к тем князьям, где находились их вотчины; это была одна из земских повинностей, имевших преимущество пред служебными отношениями» (История местного управления. С. 14, 15). Проф. Ключевский говорит, что частное землевладение доставляло князю не только личную, но и поземельную службу, притом обязательную: «как землевладельцы, вольные слуги уже начинали складываться в земский класс, отбывавший финансовые и некоторые ратные повинности (городовая осада) по земле и по воде, по месту землевладения» (Боярская дума. С. 83, 97). Такое распространительное толкование приводит к явной несообразности. Если бы боярин должен был, в качестве местного землевладельца, во всех случаях защищать город, около которого жил, то он должен был защищать его и против того князя, которому служил. Надо полагать, что боярин подручного князя должен был защищать город, принадлежавший великому князю, не в качестве местного жителя, но в силу того, что он, как слуга подручного князя, должен был вместе со своим князем «стать на конь против недруга великого князя». В этом случае, когда соединялись полки союзных князей, каждый боярин шел в поход не иначе как под начальством воеводы своего князя. В случае же городной осады он должен был защищать город также и с воеводой чужого князя. Рассматриваемая статья договора говорит только о военной субординации, а не о «земских повинностях», и сообразно с этим она встречается отнюдь не во всех договорах, как думал Градовский, но только в тех, которые устанавливают для подручных князей отношения политической зависимости от великого князя, обязывают их «сидеть на конь против недругов великого князя» и не вести самостоятельных войн и дипломатических переговоров. Ср.: договоры (СГГД) Василия Дмитриевича № 37 и № 38 (1405); особое соглашение о городской осаде № 35 (1389). Тесная связь соглашения о городской осаде с другими соглашениями о военной субординации бояр видна как из этого договора № 35, так и, между прочим, из договора № 52 (1434).

бояр, кроме того, служили князю и в мирное время, занимая различные должности по дворцовому и областному управлению.

Служба бояр была вольной, военная – по общему правилу, гражданская же – за некоторыми исключениями. Она не составляла обязанности землевладельца по отношению к князю; служба государству стала обязательной только позднее, в московское время. Бояре удельного времени были вольными слугами князей; этим они существенно отличались от позднейших закрепощенных служилых людей Московского государства.

Боярин во всякое время мог «отказаться» от службы и перейти на службу, «приказаться» другому князю. Эта свобода службы постоянно обеспечивалась особой статьей княжеских договоров: *«А боярам и слугам межи нас вольным воля»*. Великие князья долгое время видели в праве отъезда, в праве перемены государя неотъемлемое право бояр и даже взаимно обязывались в договорах «не держать нелюбья» на отъехавших слуг, не «посягати на них без неправы». *«А боярам и слугам вольным воля, – читаем в договоре 1341 года, – кто поедет от нас к тебе, к великому князю, или от тебя к нам, нелюбья ны не держати»*. Вольные слуги нередко пользовались этим правом отъезда. Так, когда к князю московскому Иоанну Даниловичу Калите приехал на службу знатный киевский выходец Родион Нестерович, предок Квашниных, то первый московский боярин Акинф Гаврилович Шуба, оскорбленный почетом, оказанным приезжему боярину, «не желая быть под Родионом в меньших», перешел на службу к сопернику Москвы, тверскому князю Михаилу; впоследствии он принимал деятельное участие в войнах тверского князя с московским. В это же время упорной борьбы Твери с усиливавшейся Москвой многие бояре тверские, недовольные своим князем, в 1337 году перешли на службу, отъехали к Великому князю Московскому Иоанну Калите¹⁹. Когда Великий князь Московский шел со своими полками в 1391 году на Нижний Новгород, бояре нижегородского князя Бориса, не надеясь на успех борьбы с Москвой, все перешли на службу к московскому князю; и старейшина бояр, Румянец, заявил при этом князю Борису: «Господин княже, не надейся на нас, уже бо мы есмы отныне не твои, и несть с тобою есмы, но на тя есмы»²⁰.

Бояре свободно переходили от одного князя к другому в качестве лично свободных, вольных слуг; но в какие отношения становились они к князьям при таких переходах – в качестве землевладельцев? Теряли ли они свои земли или сохраняли их за собой? По общему правилу, действовавшему до XVI века, бояре сохраняли все права на свои вотчины, хотя бы даже они переходили на службу к врагу своего прежнего князя. *«Боярам и слугам вольным воля, – взаимно обязывались князья в договорных грамотах, – а села, дома им свои ведати, а нам в них не вступатися»*²¹.

В древнейшее время, надо полагать, бояре не только сохраняли право собственности на свои вотчины, но, переходя на службу к другому князю, передавали их в государственное обладание своего нового господина. Подобно позднейшим владетельным князьям, которые, переходя от литовского князя на службу к московскому великому князю, передавали в его власть свои земли, древнейшие бояре-землевладельцы «отъезжали с вотчинами» от одного князя к другому. Вотчина, которая давала средства и людей для военной службы боярина, естественно,

¹⁹ Статья «а боярам и слугам межи нас вольным воля» в договоре великого князя Дмитрия Иоанновича с братом Владимиром Андреевичем, 1362 г. (СГГД. Т. I. № 27) и во всех почти последующих договорах между князьями. Договор 1341 г. великого князя Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем (там же. № 23). То же в договоре Дмитрия Донского, 1268. (№ 28; ПСРЛ. Т. XV. С. 470; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. Гл. 9, прим. 304 и 324). О терминах отказаться и приказаться см.: Сергеевич В. И. Русские... Т. I. С. 108 и 309, 315; Никон. Т. IV. С. 240.

²⁰ Князья хорошим обращением привлекали к себе слуг. Про тверского князя Михаила Александровича тверской летописец говорит, что он «сладок беаше к дружине своей, сего ради зельно мнози служаху ему и сынове сильных прилагашуся ему и двор его день от дни множайше крепляшеся» (1361).

²¹ «А кто бояр и слуг отъехал от нас к тебе, или от тебя к нам, а села их в нашей вотчине в Великом Княжении или в твоей вотчине в Твери, в те села нам и тебе не вступатися» (договор вел. князя Дмитрия Иоанновича Донского с Великим князем Тверским Михаилом Александровичем, 1368 г.).

должна была считаться принадлежащей тому князю, которому служил ее владелец. Стремлениям князей присвоить себе вотчину отъехавшего слуги бояре противопоставляли силу, при поддержке того князя, к которому они перешли на службу, и их вотчины становились принадлежностью удела их нового господина. При первоначальной слабости княжеской власти и при той самостоятельности бояр в качестве землевладельцев, которая указана выше, переход вотчин из одного удела в другой, при отъездах вотчинников, должен был быть обычным явлением, особенно в тех случаях, когда вотчины отъезжавших бояр лежали на границах владений князей-соперников или когда они вообще находились в местности, обособленной от других владений князя, вдали от торных путей, среди лесов и болот. Отъезд с вотчинами должен был быть обычным для могущественных бояр того времени, которые рисуются народным преданием в типичном образе возгордившегося пред князем Юрием Долгоруким богатого и сильного боярина Степана Ивановича Кучки, владевшего обширной волостью с селами и деревнями по обоим берегам реки Москвы, с резиденцией в селе Кучкове (на месте города Москвы)²².

Удельные князья, ослабляемые взаимными распрями, не могли нанести решительного удара праву отъезда, искони принадлежавшему их сильным боярам и слугам. Они взаимно обязывались в договорах, составлявшихся при участии бояр, признавать свободу службы и не карать их за отъезд конфискацией вотчин. Не имея возможности прикрепить своих вольных слуг, князья на первое время должны были ограничиться прикреплением к уделу их некогда вольных вотчин. С конца XIV века князья постановляют в договорах, что вотчина отъехавшего боярина остается в государственном обладании того князя, которому он прежде служил, – она должна по-прежнему принадлежать к его уделу, хотя боярин и сохраняет свои права частной собственности на землю. Боярин волен служить, кому хочет, но, в качестве землевладельца, он обязан подчиняться власти местного князя; он должен платить дань не тому князю, которому служит, а тому, в уделе которого он владеет землей; кому бы боярин ни служил, но он подлежит юрисдикции местного князя, сохраняющего право верховной собственности на его землю. Это правило, общее для всех землевладельцев, выражалось общей формулой: «судом и данью потянут по земле и по воде», т. е. в отношении суда и дани все ответственные пред властями по месту оседлости. В договоре великого кнчЯ Василия Дмитриевича с князем Владимиром Андреевичем постановлено: «а кто живет твоих бояр (Владимира Андреевича) в наших уделах и вотчине, в великом княжении, а тех ны (великому князю) блюсти, как и своих, а *дань взяты*, как и на своих; а кто живет наших бояр в твоей вотчине и в уделе, а тех тебе блюсти, как и своих, а дань взята, как и на своих» (1385). По позднейшим договорам, 1451–1484 гг., князья

²² См.: Павлов-Сильванский Н. П. Закладничество-патронат – разбор преданий о боярине Степане Кучке у Беляева в «Лекциях по истории русского законодательства». С. 304 и след.). – Мы полагаем, что отъезд с вотчинами составлял обычное право древних землевладельцев и что статья «судом и данью потянута по земле и по воде» была новостью права, создаваемого договорами князей. В подтверждение этого укажем, между прочим, на то, что во второй половине XIV в. князь Владимир Андреевич давал жалованные грамоты лицам, владевшим землей в пределах чужого княжества Дмитрия Донского, давал подчинившимся ему боярам-землевладельцам чужого удела привилегии суда и дани, очевидно, потому, что смотрел на их земли, как на свою территорию. «А в твой ми удел грамот жалованных не давати также и тебе: а которые грамоты подавал, и те ми грамоты отоймати» (СГГД. Т. I. № 27, 1362). С другой стороны, даже во второй половине XV века князья, настаивая на новом принципе неотъемлемости боярских вотчин от удела, должны были, передавая наследникам свои владения, каждый раз оговаривать, что вместе с уделом переходят по наследству и лежащие в его пределах боярские вотчины. «А кому буду давал своим князем и боярам и детям боярским свои села в жалованье или хотя и в куплю кому дал, ино те мои села моим детям, во чьем уделе будет, ино тому то и есть» (духовная великого князя Василия Васильевича). Или: «а которые села и деревни в Новгороде Нижнем за моими князьями и за бояры и за детьми боярскими за кем-нибудь, и то все сыну же моему Василию» (духовная верейского князя Михаила Андреевича 1486 г. – СГГД. Т. I. № 121). Значение таких странных и излишних, на наш взгляд, оговорок станет понятно только в том случае, если мы допустим, что они направлены против древнего обычного права отъезда с вотчинами, жившего в сознании общества в виде пережитка старины, даже в XV столетии, когда, казалось бы, уже твердо был установлен принцип неотчуждаемости участков государственной территории по воле их частных собственников.

«брали дань и суд» как на своих, так и на чужих боярах, владеющих землями и живущих в их уделах²³.

3

Вольные слуги сохраняли при «отъездах» свои земли только в том случае, если они владели ими на праве полной собственности. Особый же разряд слуг, «*слуги под дворским*», подчиненные дворецкому, владели именными, пожалованными им из дворцовых земель князя, не в безусловную собственность, но под условием службы, и лишались этих земель, когда переходили на службу к другому князю. Иоанн Данилович Калита на таком именно условии пожаловал Богородицкое село в Ростовской области слуге Борису Воркову: ежели тот Ворков, постановляет Иоанн в духовном завещании, «иметь сыну моему которому служить, село будет за ним, не иметь ли служить детям моим, *село отоймут*». «Служни земли» были древнейшими поместьями. С течением времени, по мере усиления власти великого князя и скопления дворцовых земель в его руках, такие условные пожалования имений слугам должны были сделаться весьма частыми. Великим князьям было выгодно обеспечивать более верную службу лиц пожалованием земель с правом взять их обратно; с усилением своей власти они могли уже не опасаться того, что слуга, перейдя на службу к другому князю, передаст в его обладание свое поместное имение. С конца XIV века грамоты, обеспечивая слугам свободу службы, часто делали оговорки о «*слугах под дворским*»; в то время было уже много невольных слуг, владевших землями на поместном праве. «А боярам и слугам, — читаем в духовной грамоте 1410 года, — кто будет не под дворским, вольным воля; а кто будет под дворским, слуг, тех дети мои промежь себя не принимают, ни от сотников; а кто тех выйдет из уделов детей моих и княгини моей; ин земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удел». Как видно из договорных грамот, князья стремятся прикрепить к службе этих дворских слуг, запретить им выход из удела, и для этого взаимно обязуются «слуг, которые потягли к дворскому, в службу не принимати» (1368). Вместе с тем, зная, как трудно было в то время осуществить на деле это новое правило, князья постановляют, что эти слуги, уходя из удела, лишаются пожалованных им земель²⁴.

От дворных *слуг* отличались *дворные люди*, или *дворяне*. Наименование *слуга* было более почетным в удельное время, чем наименование *человек* такого-то князя или боярина. Слугами назывались независимые лица, землевладельцы, взявшие на себя известные служебные обязанности. Дворные люди, или дворяне, были зависимыми дворовыми людьми, жившими при князе для личных услуг или особых поручений. Большинство их были несвободными. Дворными людьми в удельный период стали называться княжеские холопы и сблизившаяся с ними часть младших дружинников, отроков и детских, живших во дворе князя. Они исполняли различные обязанности по дворцовому управлению, служили ключниками, тиунами, казначеями,

²³ «А которых бояр и слуг села, а имут жити в вашей отчине, взята вы на них дань и суд» (СГГД. Т. I. № 76 (1451), № 88 (1462), № 119–120 (1484)). Хотя более ранние договоры упоминают только об обязанности бояр платить дань по месту жительства: № 27, 29, 35 (1362, 1371, 1389 гг.), и др. (см. вышеуказанную нашу статью, прим. 16), но, по-видимому, и в это время (в XIV в.), бояре подлежали суду по месту жительства. Это видно, между прочим, из договора 1388 г. Общий порядок суда выражен в нем так: «а ударит ми челом мой (подданный) на твоего (подданного), кто живет в твоём уделе, и мне послати к тебе, а тебе ему исправа учинити». Напротив, если «ударит ми челом кто из Великаго княжения на твоего боярина», но «москвитина» (т. е. имеющего оседлость в Московском княжестве) и «мне пристава послати по него» (СГГД. Т. I. № 33. С. 56). Ср.: Чичерин Б. Н. Опыты... С. 341, 342; Беляев И. Д. Лекции... С. 245, 246.

²⁴ СГГД. Т. I. № 22 (1328), № 27 (1362), № 40 (1410) и др. О «*слугах под дворским*» см.: Блюменфельд Г. Ф. О формах землевладения в древней России. С. 224–225. — Эти слуги, как видно из сопоставления их в грамотах с боярами (см. цитированную грамоту 1410 г.), занимали сравнительно высокое положение среди слуг (как позднейшие помещики), и нет основания приравнивать их, как делает Сергеевич, к бортникам (пчеловодам), садовникам, псарям и низшему разряду дворовых слуг (Русские... Т. I. С. 395). О служных землях см.: Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI в. С. 77, 78 и Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве. С. 34–38.

посельскими ключниками – сельскими приказчиками, дьяками. Ключниками были большей частью люди несвободные, так как человек, принявший на себя обязанности ключника, становился холопом, если только не выговорил себе свободы особым уговором с князем. Дворяне, свободные люди и холопы, весьма часто исполняли обязанности судебных приставов²⁵. В военное время, подобно боярам и слугам, дворяне превращались в воинов, составляя вместе с дворными слугами особый отряд приближенных к князю ратных людей. В описаниях походов князей и сражений упоминается иногда, что князья шли и сражались со своим двором. Князь Святослав Брянский в 1307 году, по замечанию летописи, «двором своим токмо много бився».

Слово дворянин впервые встречается в рассказе Суздальского летописца об убиении ростовского князя Андрея Боголюбского в 1175 году²⁶. Насильственная смерть этого князя была делом его дворных людей и, главным образом, его доверенного ключника Анбала, а также любимого слуги князя, Якима Кучковича. После убийства князя, говорит летописец, «горожане боголюбские и дворяне разграбиша дом княж, злато и серебро, порты же и наволоки, и имение, ему же не бе числа». В удельном периоде слово «дворяне» встречается по преимуществу в летописях и актах Новгородской области, где дворянами назывались как «люди», так и «слуги» князей. Московские же памятники отличают «дворных людей» (дворян) от «слуг под дворским». Впоследствии, по мере принижения значения «слуг под дворским», эти последние сближаются с дворными людьми и называются одинаково с ними дворянами²⁷.

Главной службой княжеских слуг, владевших землей, как на вотчинном, так и на поместном праве, была служба военная. Бояре и слуги, воины, были в то же время землевладельцами – сельскими хозяевами. Обыкновенно в мирное время они живут уединенно в своих имениях. Говоря о выступлении бояр в поход, определяя, с чьим воеводой они должны идти на войну, грамоты постоянно предполагают, что бояре «живут в своих отчинах»: «а городная осада, где кто живет, тому туго и сести». «Служилые люди на севере, – говорит проф. Ключевский, – усвоили себе интерес, господствовавший в удельной жизни, стремление стать сельскими хозяевами, приобретать земельную собственность, населять и расчищать пустоши... И в Киевской Руси прежнего времени были в дружине люди, владевшие землей... Но, по-видимому, боярское землевладение там не достигло значительных размеров или закрывалось другими интересами дружины, так что не производило заметного действия на ее политическую роль. Теперь оно получило важное политическое значение в судьбе служилого класса и с течением времени изменило его положение и при дворе князя, и в местном обществе».

Бояре-землевладельцы по преимуществу были классом военных слуг князя, исполнявших свои служебные обязанности в военное время. Но многие из них служили князю не только на войне, но и в мирное время, исполняя различные должности в области государствен-

²⁵ «Кто на кого челом бьет, дворяне и подвойские позовут к суду». – «Мне, князю Юрию, тех людей не судити, не пристава не дати, ни дворян своих не всылати, и ни пошлин им никаких не имати».

²⁶ Равнозначный дворянам термин «дворные люди» встречается впервые в Воскресенской летописи под 1215 годом: Мстислав Новгородский «изыма наместника Ярославля, Хотя Григорьевича и вси дворные люди покова». – «Князи мои, и бояре, и дети боярские, и люди дворные» (грамота великого князя Василия Васильевича).

²⁷ Воскр. С. 90, 120. Термин «дворный слуга» встречается в Ипатьевской летописи под 1281 годом: так назван слуга Владимира Васильковича Рах Михайлович. В I Новгородской летописи под 1214 годом сказано: «Чудь поклонися ему (Мстиславу) и Мстислав же князь взя на них дань и да новгородцем» две части дани, а третью часть «дворянам». Там же, под 1210 г.: «приде Мстислав Мстиславич на Торжек и изыма дворяне Святослави». К. Н. Бестужев-Рюмин говорит: «Слово дворянин едва ли не появилось первоначально в Новгороде, так как прежде всего мы встречаемся с ним в новгородских памятниках, где этим словом заменяется употреблявшееся в других местах слово: слуга... Из Новгорода это слово могло распространиться и на соседние области... В московских актах и летописях этого периода (удельного) слово дворяне встречается редко, заменяясь словами: люди дворные или двор» (о значении слова «дворянин» по памятникам до 1462 года: Труды II Археологического съезда. 1876. Вып. I). Дворянами в древнейшее время назывались также, в частности, как княжеские, так и монастырские судебные пристава (ААЭ. Т. I. № 5). Об этих терминах см. также: Сергеевич В. И. Русские... Т. I. С. 422, 423; III. Дворянство в России. С. 559–560. – ВЕ. 1887, апр. Впоследствии, когда бояре стали называть себя холопами-людьми, термин слуги получил значение особенно почетного титула. Этот титул давался в виде исключения за особые заслуги князю С. И. Ряполовскому при Иоанне III, Борису Годунову и другим (Маркевич А. И. История местничества. С. 175, 307).

ного управления. Великий князь Димитрий Иоаннович Донской в своей предсмертной речи к боярам в следующих словах охарактеризовал важное значение их как соратников, воевод князя и областных управителей: «С вами царствовал, – говорил им князь, – и землю Русскую держал и мужествовал с вами на многие страны, враги покорил, княжение укрепил, отчину свою с вами соблюл, под вами грады держал и великия волости; вы не назывались у меня бояре, но князи земли моей»²⁸.

Грады и великие волости держали *наместники* с подчиненными им *волостелями*. Центральное управление разделяли между собой *тысяцкий, дворецкий, казначей, окольный* и др. Эти важнейшие должности поручались преимущественно высшему разряду княжеских слуг, *боярам введенным*, то есть введенным во дворец для постоянной помощи князю в делах управления. Слово «боярин» было бытовым наименованием лучших или старейших людей. «Введенное же боярство» было чином, которым князь жаловал лучших своих слуг. Княжеская власть воспользовалась старым народным термином и с течением времени присвоила ему более узкий смысл; впоследствии под словом «боярин» разумели преимущественно введенных бояр, приближенных лиц государя, которым было *сказано* боярство. Число таких введенных бояр первоначально было очень невелико, как можно заключить из известий о них, сохранившихся от позднейшего времени²⁹. В год смерти великого князя Василия Васильевича их было пятеро³⁰; в год смерти великого князя Ивана Васильевича – тринадцать.

Введенные бояре были обычными советниками князя в делах управления. Они не составляли определенно организованного учреждения, княжеской думы; князь советовался по усмотрению или со всеми своими боярами, или с некоторыми из них. В важнейших делах князь приглашал на совет не одних только приближенных бояр, но и других более влиятельных слуг. Обычай требовал, чтобы князь действовал согласно с мнением своих бояр и слуг, и силой вещей князь должен был держаться этого обычая. Князь не мог заставить бояр повиноваться своей воле; они были вольными слугами и, в случае своего разногласия с князем, могли не идти в поход вместе с князем, оставить его совсем и перейти на службу к другому князю. «О себе еси, княже, замыслил, – говорили в таких случаях бояре, – мы того не ведали, не едем по тебе». Между тем бояре с их служилыми людьми составляли главную военную силу князя, и уход их от князя влек за собой ослабление его власти. Волынский князь Владимир Изяславич, выступивший в поход в 1169 году на киевского князя Изяслава, несмотря на отказ дружины следовать за ним, потерпел жестокое поражение. «Князь не мог приказывать, – говорит

²⁸ ПСРЛ. Т. V. С. 352; Ключевский В. О. Боярская дума. С. 101. – «Вольные слуги суть воины и по общему правилу живут не при дворе князя, а в своих имениях» (Сергеевич В. И. Русские... Т. 1. С. 310). Иного взгляда на этот вопрос держится П. Н. Милюков, который, следуя в известной степени Градовскому, утверждает, что «высшее сословие не дорожило землей в древней Руси». Вольные слуги свободно странствовали из удела в удел: «покидая свою боярщину, свой вотчинный участок, русский землевладелец искал более выгодных занятий на стороне, при князе» (Очерки по истории русской культуры. С. 165 и 166). Такими свободными странниками, не дорожившими землей, были дружинники, но никак не северные бояре и слуги. Оседлость этих последних, их земская самостоятельность становится явно заметной по летописям и договорам с XII, XIII веков. Переходя от одного князя к другому (что в XIII–XIV вв. бояре делали вовсе не так часто, как утрированно изображает названный исследователь), бояре, по общему правилу, отнюдь не покидали своих боярщин. Это видно из княжеских договоров, которые, узаконивая вольную службу бояр, их право отъезда, в то же время постоянно, настойчиво регулируют земельные отношения отъезжавших бояр к князьям, обязывают князей «не вступаться в дома и села» ушедших от них бояр. Если бы слуги не дорожили землей, князья рано бы получили возможность установить столь выгодное для себя правило: «кто выйдет из удела, ин земли лишен», – как определено было относительно «слуг под дворским». Между тем на конфискации вотчин отъезжавших слуг решились только великие князья в XVI веке.

²⁹ О введенных боярах: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 158; Ключевский В. О. Боярская дума. С. 131. – Сергеевич В. И. дает два определения введенного боярства, мало согласованных между собой. С одной стороны, согласно с названными исследователями, он утверждает, что введение бояре суть те, «кому боярство сказано», с другой стороны, видит в них специальных «бояр для суда»: «введенные бояре принадлежат к древнейшим нашим судным учреждениям» (с. 361 и 263). Но едва ли в древнейшее время суд мог так обособиться от администрации. Боярин введенный, надо полагать, судил в качестве управителя: дворецкого, сокольничего или стольника (Ключевский В. О. Боярская дума. С. 130).

³⁰ Мих. Бор. Плещеев, князь Ив. Юр. Патрикеев, князь Ив. Вас. Стрига-Оболенский, Мих. Фед. Сабуров и Григ. Вас. Заболоцкий.

проф. Сергеевич, – своим вольным слугам, он должен был убеждать их в целесообразности своих намерений. Общее действие возможно было только тогда, когда думцы соглашались с князем: в противном случае князю приходилось отказываться от задуманного им предприятия. Думцы князя, таким образом, в значительной степени ограничивали его усмотрение. Хотя зависимость князя от вольных слуг, – замечает тот же исследователь, – и не была безусловна, но все же она была довольно значительна, особенно в делах войны и мира. В делах внутреннего управления и суда, где князья могли обходиться при помощи очень немногих рук и имели всю свободу выбора, она чувствовалась весьма слабо; в делах войны, всегда требовавших напряжения значительных сил, – очень сильно»³¹.

В гражданскую и придворную службу привлекалось с течением времени все более и более бояр и слуг. Отдельные ведомства управления обособляются в удельный период, и мало-помалу вырабатывается сложная система администрации, унаследованная и развитая далее Московским государством.

Одной из виднейших должностей была должность *дворского*, или *дворецкого*. Дворский заведовал *двором*, дворцовым ведомством князя. Состоя при князе и управляя всем его хозяйством, которое в древнейшее время все сосредоточивалось в «дворе» князя и не отделялось от государственного хозяйства, дворские были весьма влиятельными людьми. Главному дворецкому, заведовавшему дворцом князя в стольном городе, подчинены были дворские, заведовавшие дворцами князей в провинциальных городах. В его ведении находились обширные дворцовые земли князей и владевшие участками этих земель «слуги под дворским», а также дворные люди, или дворяне.

Подобно дворецкому, весьма видное положение имел в удельное время *окольничий*. Эта должность была исключительно придворной. Окольничие сопровождали князьям во время их частых поездок по делам управления и войны, а также для охоты, увеселения или молитвы. В позднейшее время они ездили впереди поезда государя, устраивали станы для их остановки, назначали дворы для помещения их свиты, заботились о проложении дорог и постройке мостов. Эта обязанность лежала на окольничих, вероятно, и раньше, и отсюда, от «*околичности дорог*» могло произойти и их наименование, как предполагает автор старинного «Известия о дворянах российских» Миллер. На видное значение окольничего указывает известие о том, что при заключении договора между сыновьями Иоанна Даниловича Калиты, князьями Семеном, Иоанном и Андреем, присутствовал в числе свидетелей и Онанья окольничий (1341)³².

Некоторые статьи дворцового хозяйства были выделены в особые ведомства – *пути*. Ввиду указанного преобладающего значения дворцового хозяйства и начальники этих путей должны были занимать видное положение. К сокольничему пути принадлежали сокольники и другие служители княжеской птичьей охоты; в *конюшем* пути вместе с лошадьми и конюхами ведались и государевы луга, рассеянные по всем уездам.

Важнейшей статьёй дворцового хозяйства была эксплуатация зоологических богатств страны. Воск и мед, рыба, меха составляли главное богатство древней России. Князьям принадлежало множество селений бобровников, бортников (пчеловодов), рыболовов. На пустынных тогда речках нынешней Московской и соседних с нею губерний в большом еще количестве водились бобры; на местах, богатых бобрами, где-нибудь по Клязьме или по Воже, целыми десятками садились деревни бобровников, распределявших между собою бобровые гоны. В обширных лесах в изобилии водилась дикая пчела; поселки бортников делили между собою борти (дуплистые деревья с медом) на «бортные ухозя». По всему течению Волги и ее

³¹ Сергеевич В. И. Русские... Т. II. Вып. 2. 1896. С. 348, 349.

³² При дворе Великого князя Рязанского Олега Ивановича окольничий стоял выше чашника. В жалованной грамоте, данной этим князем, сказано: «А бояре были со мною: Софоний Алтыкулачевич, Семен Федорович, Микита Андреевич, Тимошь Олександрович, Махася дядька, Юрьи окольничий, Юрьи чашник, Семен Никитич с братьею, Павел Соробич» (1341). Там же. С. 394, 395 и 385, 388.

больших притоков существовал целый ряд «рыбных слобод», населенных рыболовами. Значительная часть этих бобровых гонов, бортных ухажьев, рыбных езов (затворов) принадлежала князьям и была разделена в управление между дворцовыми путями ловчим, чашническим, стольничим.

Стольник и чашник являются при дворах удельных князей в XIII столетии. Позднее, в царский период, эти сановники не имели административного значения; стольник и чашник сделались исключительно придворными людьми; но в удельное время они, принадлежа к дворцовому штату, управляли особыми дворцовыми ведомствами, у того и у другого был свой путь. Чашнический путь был ведомством дворцового пчеловодства и государевых питей; в нем ведались села и деревни дворцовых бортников-пчеловодов вместе с бортными дворцовыми лесами; к стольничему пути принадлежали дворцовые рыбные ловли и огороды. Рассеянные по городам и волостям княжества слободы, села и деревни, приписанные к этим путям, были или совершенно обособлены от общего областного управления наместников и волостелей, или находились в очень слабой административной зависимости от него. Боярин, заведовавший хозяйственной эксплуатацией тех или других дворцовых угодий, ведал во всех отношениях лиц, населявших земли, отданные в его управление. Хозяйство, администрация и суд соединялись в руках одного лица. Древнее управление, в полную противоположность позднему, сосредоточивало в одном ведомстве все дела, касавшиеся известной части населения³³.

К ряду управителей этих путей, сокольника, конюшего, ловчего, стольника, должен был принадлежать по значению и *казначей*, ведавший княжескую казну: как деньги, так и все ценное имущество, золотые сосуды, цепи, кресты, драгоценные камни, меха и всякую «рухлядь»³⁴. Казначей не только хранили княжескую казну, но и заведовали некоторыми государевыми доходами, главным образом, таможенными. Но они отнюдь не сосредоточивали в своих руках управление всеми доходами князей; особая казна была у дворецкого и у стольника, и у других чинов, заведовавших теми или другими доходными статьями дворцового хозяйства. Боярину-казначею были подчинены мелкие чиновники-казначей и тиуны; они заведовали княжеским имуществом, хранившимся в провинциальных городах. Для предупреждения злоупотреблений эти должности поручались обыкновенно людям несвободным, находившимся в полной зависимости от князя³⁵. Эти казначей-холопы, как и тиуны, и другие мелкие чиновники, тоже несвободные, обыкновенно отпускались на волю по завещаниям князей³⁶.

Выше всех этих дворцовых должностей стояла в удельное время должность *тысяцкого*. Указанные чины этого времени сохранились, хотя и с изменившимся значением, до царского периода, должность же тысяцкого была уничтожена в конце XIV столетия. Тысяцкий так же, как в предшествовавшее, киевское, время был предводителем земских полков, городского и

³³ О путях см.: Ключевский В. О. Боярская дума. С. 106, 107, ПО. О селениях бобровников, бортников, рыбников см.: Милюков П. Н. Очерки... Ч. I. С. 68, 69.

³⁴ В духовной грамоте великого князя Иоанна Васильевича сказано: «что ни есть моей казны... лалов и яхонтов, и иного камня, и жемчугу, и саженья всякого, и поясов, и чепей золотых, и судов (сосудов) золотых и серебряных, и каменных, и золота, и серебра, и соболей, и шелковые рухляди, и иные всякия рухляди, что ни есть, также и в моей казне постельной, что ни есть икон и крестов золотых, и золота, и серебра, и платья, и иные рухляди» (1504).

³⁵ «А кто будет моих казначеев и тивунов и посельских, — читаем в завещании Иоанна Иоанновича, — или кто будет моих дьяков, что будет от меня ведали прибыток ли который, или кто будет у тех женился, те люди не надобны моим детям, ни моей княгине, дал есть им волю» (1356).

³⁶ Сергеевич В. И. Русские... Т. I. С. 415, 416; СГГД. Т. I. № 25 (1356) № 144 (1504). — Сергеевич полагает, что в древнейшее время были только казначей-холопы и что учреждение должности казначея как придворного чина «принадлежит, по всей вероятности, великому князю Ивану Васильевичу (XV в.)» (с. 416). Названный профессор предполагает, равным образом, что и конюшие бояре составляют «нововведение того же великого князя Ивана Васильевича», в связи с учреждением приказов: пред тем же «конюхи и конюшие состояли в ведомстве дворецких» (с. 403, 405). Он не придает особого значения и должностям ловчих и сокольников (с. 469, 471). Между тем преобладающее значение дворцового хозяйства над хозяйством государственным (признаваемое и Сергеевичем, с. 394) и важное экономическое значение путей (также известное этому исследователю, с. 342) дают основание думать, что всем чинам, заведовавшим дворцовыми путями, принадлежало в удельном периоде видное положение, которое заметно отчасти по актам и которого они лишились впоследствии.

сельского ополчения. Вследствие своих связей с областным населением, тысяцкий был могущественным и влиятельным лицом. Должность эта нередко переходила по наследству от отца к сыну и, сохраняясь в одном роду, весьма усиливала значение этого рода. В Великом княжестве Тверском должность тысяцкого занимали последовательно боярин Михаил Шетен, его сын Константин и внук Иван Шетнев. Московский тысяцкий, боярин Алексей Петрович Хвост, поднял крамолу против великого князя Симеона Гордого, был за это изгнан и лишен своих волостей; великий князь Симеон обязал договором своих братьев не принимать в службу ни мятежного боярина, ни его детей; но в княжение Иоанна Иоанновича Алексей Хвост снова сделан был тысяцким. Эта должность была ему возвращена, вероятно, вследствие сильного сочувствия к нему народа; когда этот тысяцкий был убит тайными злоумышленниками в 1357 году, то московское население подняло мятеж против бояр, которых обвиняли в убийстве своего товарища, и большие московские бояре должны были поспешно уехать в Рязанское княжество с женами и детьми. При великом князе Дмитрие Иоанновиче Донском тысяцким был влиятельный боярин Василий Васильевич Вельяминов. Когда он умер в 1374 году, на его место никто не был назначен³⁷, и сан этот, таким образом, был уничтожен³⁸.

Вознаграждением бояр за их гражданскую службу было пожалование *кормлений*, или *путей*, как они назывались в удельный период. Княжеские промышленные угодья назывались путями в смысле доходных, выгодных статей. Слово «путь» означало вообще прок, выгоду, доход. Должности обыкновенно жаловались «с путем». Должностным лицам предоставлялось обращать в свою пользу часть собираемых ими торговых, судебных пошлин и других княжеских доходов. Отсюда все бояре, управители-кормленщики назывались обыкновенно *путными боярами*. Система кормлений была весьма развита в удельную эпоху до времен Иоанна Грозного. Впоследствии этот способ вознаграждения служащих был заменен другими, и главным образом, пожалованием земли в условное поместное владение. Но в удельное время князья не могли раздавать свои земли в поместья в большом количестве вследствие естественного недоверия к своим вольным, самостоятельным слугам³⁹.

³⁷ СГГД. Т. I. № 28, 144, 163, 167; ЛЗАК. Т. I. С. 6–7; РИС. Т. V. С. 35; Сергеевич В. И. Русские... Т. I. С. 313–324. – Мы не думаем, чтобы бояре, отъезжая, нарушали клятву, данную князю; чтобы, приказываясь в службу, они целовали крест служить верно, как полагает проф. Сергеевич (с. 309). Это было бы добровольным отказом от своего права, на который едва ли соглашались бояре по общему правилу при поступлении на службу. Никоновская летопись, на которую в этом случае ссылается названный исследователь, не может дать надежного свидетельства для порядков XIV века. Тверская же летопись говорит лишь об исключительном крестоцеловании на случай: «а князь великий Дмитрий Московский по всем градом бояр и люди привел к целованию не даться им князю Михаилу (Тверскому), а в землю его не пустити на княжение на великое» (ПСРЛ. Т. XV. С. 430. 1371).

³⁸ Дьяконов М. А. Власть московских государей. С. 168, 171, 173, 182–185; рецензия на это сочинение С. М. Шпилевского (Отчет о 33 присуждении наград гр. Уварова. Приложение к LXX тому ЗАН).

³⁹ Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI веке. С. 149, 153.

Часть вторая

Образование класса служилых людей в XV–XVI веках

Глава I. Закрепощение вольных слуг

1

Владения князя Даниила Александровича, родоначальника дома московских великих князей, ограничивались до 1302 года одними берегами реки Москвы, принадлежа к числу второстепенных уделов Владимирского княжения. Незначительное Московское удельное княжество, благодаря географическому своему положению в узле торных путей с севера на юг и с востока на запад, быстро усилилось в течение XIV века и сделалось стойким центром, сплотившим в одно целое разрозненные области Русской земли. Московские великие князья создали Русское государство на развалинах удельного порядка. Независимые бояре времени уделов так же, как подручные удельные князья, превращены были в покорных слуг государства; вольных бояр и слуг сменили закрепощенные служилые люди.

С усилением своей власти московские государи начинают в XV столетии энергичную борьбу с противогосударственным правом отъезда бояр и слуг и затем достигают полного его упразднения. Путь к действительному ограничению этого права указан был Великим Новгородом еще в эпоху полного господства удельного порядка, в XIV столетии. Новгородское правительство запретило боярам, отъезжавшим из Новгорода на службу к великим князьям, удерживать за собою вотчины в пределах новгородских владений. «Села, земли и воды бояр, в случае их отъезда, ведает Великий Новгород, а тем боярам и слугам ненадобне», – как постановлено было в договоре 1368 года. Великие князья, не обладая той властью, какую имел Новгород на своей территории, не могли решиться на эту меру по отношению к боярам и слугам-вотчинникам. Правило «кто выйдет из удела, тот земли лишен» касалось только дворных слуг, владевших дворцовой землей на поместном праве. Не лишая бояр права отъезда, князья должны были довольствоваться тем, что сохранили в своем государственном обладании вотчины отъехавших слуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.